

Свет не включали, поскольку опасались, что их заметит бдительная охрана. Тусклая лампа аварийного освещения бросала багровые блики на лица двух неспешно прощающихся мужчин. Пожилой взъерошенный бородач в лабораторном халате нервно перебирал пальцами свои старомодные очки.

— Я вас, Алеша, еще раз предупреждаю — не зарывайтесь. Грамоту передайте — и назад. Вы у меня последний аспирант.

— Ну что вы, Иван Осипович! — Белозубая улыбка, казалось, озарила мрачную шлюзовую камеру. — Я как-никак мастер спорта, чемпион области. На эспадронах мне в Москве равных нет.

— Так то на эспадронах! — вздохнул пожилой бородач и зачем-то провел рукавом по блестящим полосам кирасы Алексея.

— Нормально, не переживайте, Иван Осипович.

— Как же мне не переживать! На вас, Алеша, последняя надежда.

— Все сделаю, как положено.

— Вы уж постарайтесь, голубчик. Ведь наша уловка должна сработать наконец! Но... — тут Иван Осипович взмахнул пухлым кулаком, — силой-то нельзя. — Он ссутулился и будто сразу постарел лет на десять.

— Так я пойду? — Аспирант тронул профессора за рукав. — Пора уже.

— Да, конечно, — засуетился профессор и разблокировал шлюз камеры темпорального переноса. — Уж простите, Алеша, коня вам дать не могу: в камеру он влезет — туда хоть танк запихай, а вот как его в институт через вахту?

— Да не переживайте, Иван Осипович, совру что-нибудь.

— Соврите, соврите, обязательно соврите им. Только б вышло.

— Все будет хорошо.

Алексей улыбнулся, одернул васильковый кунтуш, накинутый поверх кирасы. Профессор вздохнул и перекрестил аспиранта. Справа налево, по-православному.

Толстая дверь камеры медленно закрылась, наглухо, герметично. Зашелкали многочисленные блокировки. Иван Осипович (куда девалась его растерянная неловкость?) вихрем подскочил к пульту управления. Кнопки отозвались сдержанным попискиванием. По узкой полосе индикаторного дисплея побежали цифры: один, шесть, один, три. Секунду-другую экран внешнего обзора оставался черным, как сама ночь, но вдруг на нем появились острые пестрины ряби. Динамики зашипели, подлаживаясь под уровень записи передающего микрофона. Пошло изображение.

Ночь. Метель.

Крупные хлопья наискось летели по экрану, создавая впечатление помех. Но помех не было.

Заснеженные ветви деревьев плавно покачивались в такт шагам пробирающегося через сугробы человека.

«Вмонтировать видеокамеру в шапку — мысль, конечно, хорошая, — подумал профессор. — Вот только лица Алешкиного не видать».

Не было видно, впрочем, и других частей тела. Лишь раз в поле зрения камеры мелькнули огромные пальцы: аспирант то ли поправил шапку, то ли отмахнулся от низкой ветки.

Вскоре среди деревьев и кустов забрезжили отсветы кострищ. Потом послышалась речь, явно избыточная шипящими. Да, чашовые не дремали.

— Кто то есть? — донеслось из-за ближайшей ели.

— Гонец! От гетмана Жолкевского! — немедленно отозвался Алексей.

— Стой на месте, пан. Сейчас я пану ротмистру доложу!

Долго ждать не пришлось. Двое драгун с заметенными снегом оплечьями проводили гонца к предводителю отряда.

Рослый воин, подергивая длинный ус, шагнул навстречу и пристально глянул в лицо пришельца:

— Поздорову тебе, пан. Я — Михал Гродзинский, герба Молотило.

А это — пан Януш Галозский, герба Черный Пес, моя правая рука. — Рядом с Гродзинским поддерживал заметно припухшую щеку маленький шляхтич в ярко-алом кунтуше. — Как тебя, пан, величать? Что-то не встречались мы раньше. С добрыми ли вестями?

— Зовусь я Лешко Коцек, герба Рысь, буду из Люблинской шляхты. А добрые ли вести, пан Михал, того мне не ведомо. То тебе решать. — И Алексей, почтительно склонившись, протянул заместнику свернутую и запечатанную белым воском грамоту.

— Э, брат посол, — отмахнулся тот. — Я это дело не сильно люблю. Учили отцы-монахи, учили, ан, видать, без толку... Пану Янушу. Он у нас грамотей.

Галозский принял грамоту, сломал печать и, повернувшись к костру, впился глазами в строки. Пока он читал, Гродзинский поинтересовался:

— Что ж ты пеше, пан Лешек? Или коня в лесу бросил?

— Бросил, пан Михал, как Бог свят, бросил. Он теперь только волкам и согдится. Сильно гнал я за вами, вот конь и не выдержал.

— Что ж нам теперь с тобой, пан, делать? Свободных коней в отряде нету.

Алексей пожал плечами:

— Да уж как-нибудь.

В этот миг Галозский смял грамоту и гаркнул такое ругательство, аж елки лапами затрясли.

— Что ты, что ты, пан Януш? — удивленно вскинул брови Гродзинский. — Бога не гневи!

— Измена! — крикнул Януш и в сердцах швырнул бумажный комок на снег. — Черная ложь и всей Речи Посполитой *damnum!*

— Да что там?

— Здесь сказано, что Михаил Романов в Ипатьевском монастыре укрылся, *alias* нет его в поместье. А нам приказано немедленно *recedere* к войскам пана гетмана!

— Быть того не может! Ты ж меня убеждал, что Романов в городе, так?

— Убеждал, убеждаю и под присягой на том стоять буду! Имею *argumentem!* — опять закричал Галозский. — А в грамоте этой брехня! Брехня и измена!

Тут Алексей прищурился:

— Ты что, пан Януш, слову гетмана не веришь?

— Я слову гетмана верю. Я разным всяким ночным находникам не верю!

— Выходит, я письмо поддельное привез? — грозно спросил Алексей, на что тут же попытался вмешаться заместитель:

— Тише, тише, пан Лешек, никто тебя не винит.

Но было уже поздно.

— Я его виню, пан Михал, я! — срывая голос выкрикнул Галозский. — Он брешет! *Ante omnia* брешет, что он — посол Жолкевского. И про коня брешет! Пусть скажет, откуда такой шустрый вылез? За сколько сребреников проданся?

— Ах, я брешу, почтенный пан? — Глаза посланца Алексея опасно потемнели, рука опустилась вниз, к рукоятке сабли.

— Брешешь!

— То, пан, *canis* брешет, кою ты на герб налепил.

— У мой собаки зубы не твоему коту облезлому чета! — И пан Януш неуловимым движением обнажил клинок...

Далеко-далеко, за много лет и верст отсюда, пожилой профессор схватился за голову: «Предупреждал ведь! Что-то теперь будет?»

Если бы Алексей мог слышать учителя, то сказал бы ему: «Простите, Иван Осипович, но я узнал Галозского. Его флюсную рожу!.. Третья международная конференция аспирантов и молодых ученых в Кракове. Там он на фуршете за два стола от меня стоял, рядом с фээсбэшниками. Подающий надежды аспирант. Или агент. Вот потому и Женя с Пашей не вернулись».

ФАНТАСТИКА

Но объяснить с учителем не было ни времени, ни возможностей. Поэтому последний аспирант сделал то, что посчитал должным, — оголил саблю.

— Сейчас выясним, пан задира, кто тут брешет, а кто за правду радеет!

— Тише, тише, панове! — попытался урезонить их наместник. — Что ж вы, право, сцепились, как *felis et canis*.

Но Галозский не унимался:

— Нельзя никак! Он не только измену замыслил, но и честь мою шляхетскую затронул, герб опорочил! Если за первое я еще согласен арестовать негодяя и судом судить, то за личное *insulta* рубиться насмерть буду!

Алексей не дрогнул:

— *Consentior* я, пан, с тобой сразиться. Чтоб неповадно было прочим меня в брехне уличать!

— Так становись, пан!

— *Libenter*, пан! Кольчуги, кирасы, жупаны на снег! Грудь на грудь!

— Вот это по-рыцарски! — прищелкнул языком Гродзинский. Он уже понял: забияк не унять.

Почти весь отряд сбежался поглядеть на поединок Галозского с заезжим шляхтичем. Пана Януша уважали как славного рубаку и ссориться с ним побаивались. Алексей быстро разделся до нательного белья, а шапку повесил на куст, поэтому картина предстоящего боя была перед не находящим себе места профессором как на ладони.

— Ну, начнем, пан? — Януш несколько раз взмахнул саблей, отсекая стылый воздух.

— Не хочешь помолиться? — отвечал гонец, заводя левую руку за спину.

— Отец Небесный меня и таким примет за мои дела. А вот ты без покаяния сдохнешь.

Клинки встретились, осторожно столкнулись, отпрянули. Снова столкнулись. Цок. Цок-цок.

Противники оказались достойны друг друга и кружили на вытоптанной между кострами площадке. Цок-цок. Цок-цок-цок.

Алексей ускорил темп, чередуя серии ударов на верхний и нижний уровни. Януш отступал, отводя сыплющиеся на него выпады. Цок-цок-цок. Цок...

— А! Пся крев! — Галозский схватился за плечо. Застиранный рукав рубахи тотчас пропитался кровью.

— Герб свой вспомнил, пан? — позволил себе усмехнуться московский аспирант. — Сейчас скулить будешь.

— Лайно кошачье! — Януш нанес удар такой силы, что отбросил саблю противника назад. Теперь уж не было места тонкой игре клинков — каждый взмах грозил смертью.

Гнусно пискнул зуммер факса. Потом зашуршала, выползая из его утробы, бумага...

Галозский закрутил Алексея вокруг себя, и они вылетели за пределы вытоптанного круга, сразу увязнув в снегу...

Иван Осипович протянул руку и, не глядя, оторвал листок рядом с перфорацией. Впился глазами в текст...

Измаранный кровью Галозский, припав на одно колено, прижимал горсть снега к ране. Алексей лежал ничком в парующей на морозе черной луже...

«И этот! Прости, Алеша! Я вас на смерть послал, теперь мой черед!»

Что-то бормоча в бороду, профессор вытащил из шкафчика дражный овчинный армяк, напялил его, приладил облезлый треух, затем, нагнувшись, намотал онучи.

«До встречи, панове!»

Быстро пробарабанил пальцами по клавиатуре и шагнул в шлюз установленной на автоматический режим темпоральной камеры. Установка негромко загудела, по приборной доске гуськом пробежали цветные огоньки.

Наступила тишина. Аварийка освещала опустевшее кресло, безжизненный пульт и черный прямоугольник стола, на котором розовым пятном выделялась смятая бумага. Там, на этой криво оторванной ленте факса, черными жучками-шашелями значились буквы:

«Срочно вызываем заведующего московской лабораторией исследования времени в Варшаву для дачи показаний по случаю антигосударственного применения вверенного оборудования».

А поверх этих строк — размашистая надпись красным маркером: «Пошли на хрен!» И подпись: «И.О.Сусанин».

Перевод латинских слов:

damnum — ущерб,
alias — то есть,
recedere — отступит,

argumentem — довод, доказательство,
ante omnia — прежде всего,
felis et canis — кошка и собака,
insulta — оскорбление,
consentior — согласен,
libenter — охотно.

